

Конлон Джеймс

“Я играю всякий раз так, будто это мой последний выход на сцену”

Послезавтра в Доме музыки на Красных холмах прозвучит Девятая симфония Бетховена. Национальным филармоническим оркестром будет дирижировать maestro Джеймс Конлон, работавший с крупнейшими оперными театрами и оркестрами мира. О сотрудничестве с российскими солистами, о работе в опере и о планах на будущее Джеймс Конлон рассказал корреспонденту Газеты Илье Овчинникову.

Маэстро Конлон, как началось ваше сотрудничество с Национальным филармоническим оркестром?

В декабре прошлого года меня пригласил Владимир Спиваков. Его я знаю много лет, мы вместе выступали и записывались — как с моим кельнским оркестром, так и с оркестром Парижской оперы, когда я там работал. Мне было очень приятно с ним работать, он замечательный музыкант, и в прошлом году я с удовольствием откликнулся на его приглашение. Оркестр мне понравился, я очень рад, что меня пригласили вновь. С Владимиром мы выступали вместе в 1980 году в Лондоне, играли Концертную симфонию Моцарта. Кто играл на альте, уже даже и не вспомню (смеется). Это была очень молодая солистка, я больше никогда ее не видел. Владимир наверняка помнит ее имя. Потом я не видел его много лет, затем мы встретились уже в 1990-х и с тех пор много работаем вместе. Я очень уважаю его как скрипача.

Понравился ли вам Большой зал Консерватории?

О да, это один из величайших залов мира. Год назад я играл там во второй раз — я уже приезжал в Москву с Роттердамским филармоническим оркестром, у нас тогда был концерт в Ленинграде и два здесь. Те выступления в Большом зале мне не забыть: потрясающая акустика, замечательная публика.

Знакомы ли вам другие российские оркестры?

Если вы спрашиваете, дирижировал ли я каким-нибудь из них, то это было лишь один раз с оркестром Мариинского театра. Я приезжал на фестиваль Belye poshi (эти слова мистер Конлон произнес по-русски) в 1994 году с Шестой симфонией Малера. Конечно, мне приходилось также слышать записи многих российских дирижеров — Светланова, Мравинского. Один раз в Лондоне я видел, как дирижировал Светланов, — это произвело на меня огромное впечатление. Из теперешнего поколения хорошо знаю Валерия Гергиева, Мариса Янсонса, слышал несколько раз Геннадия Рождественского, хотя лично мы не знакомы. Разумеется, я знаю и Ашкенази, и Темирканова — все они отличные музыканты.

С кем из российских солистов вам приходилось играть?

С Ростроповичем я играл много-много раз (смеется), еще совсем молодым, и в 1970-х, и в 1980-х годах. Для ме-

дирижер
Джеймс Конлон —
Газете

Джеймс Конлон: «Думаю, что не проживу столько, сколько нужно, чтобы сыграть все, что я хочу»

Фотограф: Екатерина Штуккина/Газета

ня этот опыт был очень важным, как и игра с Леонидом Коганом. В Парижской опере я работал с огромным количеством певцов из России, и это доставило мне колоссальное наслаждение.

Вы работали практически во всех знаменитых оперных театрах мира. Какими из них вы довольны больше всего?

Ответить на этот вопрос невозможно. Я всегда полностью отдаюсь тому, над чем работаю в данный момент. Мое дирижерское кредо очень простое: я играю всякий раз так, будто это мой последний выход на сцену. Тем более что это всегда может оказаться так. Ты хорош ровно настолько, насколько хорошим было твоё последнее выступление. Поэтому я отдаю сто процентов — независимо от того, репетиция это или уже концерт. Кроме того, я до сих пор помню, как в 11 лет меня впервые привели в оперу. Давали «Травиату», но это могла быть и «Кармен», «Дон Жуан», «Борис Годунов», — я влюбился бы в оперу в любом случае. И каждый раз, дирижируя, я думаю о том человеке, который впервые пришел на концерт или в оперу. Он заслуживает самого лучшего исполнения, ведь оно может изменить его жизнь! А в этом случае уже не важно, ди-

рижирую я в Париже или Нью-Йорке, Кельне или Милане, Москве или Чикаго. Я всегда делил работу поровну между оперным и симфоническим дирижированием. Это как две руки, правая и левая: тебе очень нужны обе. Мой оперный репертуар очень широк, в нем более 75 названий. В первую очередь это, конечно, Моцарт, Вагнер, Верди, Пуччини. Также Дебюсси, русская опера — Мусоргский, Шостакович, Чайковский. Все это, впрочем, относится и к моим пристрастиям в области симфонической музыки. Если ты хочешь быть музыкантом — стремись охватить как можно больше. Сегодня вы наглядно видите разницу между теми дирижерами, которые работают и в театре, и на эстраде, — и теми, кто выбрал для себя что-то одно. В опере ты учишься многому из сферы симфонического дирижирования, а на сцене день за днем постигаешь важнейшие вещи, с которыми потом приходишь в театр. И обе сферы органично дополняют друг друга. Надеюсь, что до конца моих дней они обе останутся для меня настолько же важны.

Вы упомянули имена Ростроповича, Спивакова, Ашкенази. Каково ваше мнение о солистах, которые становятся дирижерами?

Уверен, что оно совпадает с вашим! Все зависит от того, настоящие ли они музыканты, велик ли их вклад в исполнение. Я бы не сказал твердо, что им не следует этого делать. Сам я, например, очень хотел дирижировать: я учился играть и на фортепиано, и на скрипке, но дирижером решил стать уже в тринадцать лет. Я посвятил этому всю свою жизнь, и дирижирование — мой инструмент, моя душа. Но если кому-то удастся это совмещать, то почему нет!

Вы записали и исполнили многие оперы Александра фон Цемлинского, его хоровые и симфонические произведения. Почему вы взялись за композитора, которого никак не назовешь любимцем публики?

Надеюсь, что моя деятельность немного изменила эту ситуацию — оперных постановок было немало, а диски продаются во всем мире. Для себя я открыл Цемлинского чуть больше десяти лет назад. Меня абсолютно потрясло то, что об этом композиторе публика до сих пор знает совсем мало, за исключением германоязычных стран. И я счастлив, что мы смогли сделать цикл записей на EMI с моим кельнским оркестром, особенно

дирижер японского уезда

Джеймс Конлон родился и учился музыке в Нью-Йорке. Дебютировал как дирижер в 1971 году, с тех пор работал практически во всех крупнейших оперных театрах мира; среди них — Метрополитен-Опера, Ковент-Гарден, Ла Скала и многие другие. С 1996 года руководил Парижской оперой, где поставил 32 оперы. Работал с Нью-Йоркским филармоническим, Берлинским филармоническим, Лондонским симфоническим и другими известнейшими оркестрами. Сделал ряд записей на CD вместе с Владимиром Спиваковым. Среди особых заслуг Конлона — японская премьера оперы Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда», а также исполнение и запись ряда сочинений Александра фон Цемлинского.

что касается опер. Очень важно напомнить людям о композиторах, чья музыка была запрещена нацистами. Открыв для себя Цемлинского, я обратил особенно пристальное внимание на композиторов, музыку которых запрещали, которые погибли в концлагерях. Виктор Ульманн, Эрвин Шулхофф — сейчас для меня это имена номер один. В этом же ряду Ханс Краса, Гидеон Кляйн, хотя они почти не писали для оркестра. Франц Шреккер, которого в какой-то момент почти забыли. Думаю, одна из самых больших моих заслуг — возрождение памяти об их музыке.

Насколько сложно ее исполнять и записывать? Советский Союз, например, дал музыки многих замечательных композиторов, однако никто из них не достиг известности Шостаковича и Прокофьева.

Такая проблема существует во всем мире. Для себя я выработал достаточно простую схему: совмещать подобные сочинения с хорошо известной музыкой, привлекающей публику. Можно надеяться на то, что они доверят тебе и ожидают от тебя той музыки, которая им понравится. Убеждать слушателей и оркестры в том, что эта музыка достойна внимания, довольно трудно, это долгий процесс, требующий терпения. Ведь аудитория боится ходить на то, чего она не знает. Поэтому твоя задача — вдохновить их: шаг за шагом этого можно добиться.

Много ли желанных для вас сочинений, еще не исполненных вами?

Думаю, что не проживу столько, сколько нужно, чтобы сыграть все, что я хочу (смеется). Вот вам пример: пару недель назад я впервые в жизни дирижировал «Щелкунчиком» — балетом, который я хотел сыграть всю жизнь. Есть 10—15 опер, которыми я не дирижировал никогда и которые хочу исполнить, одна из них — «Пиковая дама». Хочу сыграть полный цикл симфоний Шостаковича. Не говоря уже о «Воине и мире» Прокофьева.

Что вы хотели бы сказать своим российским слушателям?

В первую очередь я хочу сказать им, как много для меня значит приглашение в Москву, о которой я мечтал с детства. Первый приезд сюда просто потряс меня, и я очень рад, что с Национальным филармоническим оркестром у нас намечается постоянное сотрудничество. Я пожелал бы людям мира, сегодня это особенно важно. Мы, музыканты, можем что-то изменить лишь своим искусством, понемножку, день за днем. В какой-то степени это может помочь взаимопониманию людей во всем мире. Эту надежду я хотел бы разделить с вашими читателями и со своими российскими слушателями.